

На правах рукописи

ГЛУХИХ Алена Юрьевна

**Концепт стиля жизни в современной
теоретической социологии**

Специальность 22.00.01. –
теория, методология и история социологии

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Пермь - 2006

Работа выполнена в Пермском государственном техническом университете

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Лейбович Олег Леонидович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Зборовский Гарольд Ефимович
кандидат социологических наук, доцент,
Змеев Михаил Владимирович

Ведущая организация: ГОУ ВПО Московский педагогический государственный университет (г. Москва).

Защита состоится 22 июня 2006 года в 15 часов на заседании диссертационного совета К 212.188.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата социологических наук в Пермском государственном техническом университете (614000, Пермь, Комсомольский проспект, 29, корпус 1, ауд. 423 б).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Пермского государственного технического университета.

Автореферат разослан 19 мая 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор

Парамонова С.П.

Общая характеристика работы

Актуальность темы.

Проблема стиля жизни из периферийной темы социологических исследований в области социальной структуры перемещается в фокусное пространство большой социологической теории. Этот сдвиг внимания социологического сообщества связан с двумя обстоятельствами: кризисом больших социальных теорий и индивидуализацией социальной жизни в условиях относительной выровненности информационной среды.

Кризис социальных теорий можно обнаружить в мультипарадигмальности. В литературе встречаются прямо противоположные оценки сложившейся ситуации: методологический хаос, научная революция, теоретический прорыв. Конец XX века оказался чрезвычайно плодотворным для социологической теории, — полагает П. Штомпка: налицо «теоретический бум»¹. Каждая парадигма порождает соответствующую методологию, методику и технику исследования, а с ними и собственное «парадигмальное созвездие понятий»².

Напряженная дискуссия по ключевым основополагающим концепциям социологии порождает множество проблем, главная из которых — очевидный разрыв между теоретическими спекуляциями, с одной стороны, и конкретно-социологическими исследованиями, с другой. Причем не важно, вина ли в том теории, слишком усложненной для эмпирических интерпретаций, или техники, не реагирующей на концептуальные новации. Как бы то ни было, социологические теории, в том числе и специальные, нуждаются в более внимательном оформлении, адекватном изложении эмпирических данных, в придаче этим данным теоретико-методологической, понятийной корректности. Отсутствие однозначности интерпретации основополагающих понятий и категорий социологии многократно усугубляет методологический хаос. Эти наблюдения касаются и теории социального действия.

¹ Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение: Доклад на межд. конференции «Национальные ориентиры и мировой опыт в области преподавания социально-экономических дисциплин в высшей школе» // Социологический журнал. 2001. №1. С. 152.

² Именно таким речевым оборотом Н.В. Лапин охарактеризовал состояние понятийного аппарата современной социологии, выступая на четвертых Харчевских чтениях «Основные категории современной социологической мысли: единство и многообразие», проведенные журналом «Социологические исследования» в октябре 2002 г. См.: О понятийном аппарате современной социологии // Социс. 2003. №2. С. 140.

Вопрос же о том, насколько социология «национальна», до сих пор остается открытым. Здесь существует два противоположных мнения. Первое – отрицает зависимость практической эффективности теории от национальных особенностей и состояния общества данной страны в данный исторический период, апеллируя к процессам глобализации, сетевым взаимосвязям, общемировому информационному пространству и т.п., стирающим всякие различия³. Сторонники противоположного лагеря считают, что теории, разработанные в одной социально-культурной среде, полностью неприменимы к обществам с иными культурными традициями и социально-политической ситуацией (Р.В. Рыбкина, А.Ф. Филиппов, В.А. Ядов)⁴. Следовательно, такие западные теории, как, например, теория среднего класса, требуют конкретизации и адаптации к проблемам и облику национального общества. Западные концепции жизненных стилей должны подвергаться аналогичным процедурам. Однако адекватная адаптация и использование заимствованных теорий возможны только в том случае, если наука готова к этому.

Оборотной стороной методологического кризиса является равнодушие к теории, особенно заметное в отечественном социологическом сообществе. Можно согласиться с мнением Л. Гудкова о том, что: «...теоретическое знание было и остается абстрактным, отвлеченным и не используемым даже в практике преподавания»⁵. Кроме того, развивается «культура догматических сект»⁶, связанная с пренебрежительным и даже враждебным отношением к другим теориям, что препятствует интеллектуальным дискуссиям.

Отечественная социология всегда тяготела к холистской философской традиции, следовательно, социальные структуры и процессы довлеют над индивидами, определяли их социальную активность. Поэтому приоритет в теоретической разработке и эмпирическом изучении отдавался не категориям «стиль жизни», а категории «образ жизни», отражающей социальные

³См.: Бертело Ж-М. Предисловие французского редактора // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск «Современная французская социология». 1999. Том II. С. 9-10.

⁴ Рыбкина Р.В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 3/4. См. <http://knowledge.isras.ru/sj/>; Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1/2. См. <http://knowledge.isras.ru/sj/>; Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. №3. См. <http://knowledge.isras.ru/sj/>

⁵ Гудков Л. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. № 77 (2006), С. 333.

⁶ Балог А. Социология – мультипарадигмальная наука? // Социс. 2002. №7. С. 27.

принципы организации способов жизнедеятельности. Использование категорий «образ жизни» для характеристики общества, жестко структурированного и институционализированного, представляется вполне оправданным. Для общества же с неустойчивой социальной структурой, с выровненными условиями социальной среды для индивидуальных форм социальной жизни, необходима иная теория. Речь идет о том, что в ситуации, когда критерии социального статуса уже не так однозначны, как прежде, с одной стороны, а свобода выбора собственных идентификационных образцов намного шире, т.е. в ситуации полистилизма культуры, возникает необходимость сместить фокус зрения с больших социальных общностей, классов и т.п. на индивида. Предметом изучения должны стать повседневные практики, из которых и складывается жизнь нашего современника. Для этого необходима развернутая теоретическая база, включающая стройную методологию, точный понятийный аппарат и, конечно, набор концепций, позволяющих производить комплексные исследования. Одной из таких концепций является концепция стиля жизни.

Социологическая теория способна предложить альтернативную методологию анализа социального действия – парадигму акционизма, позволяющую исследовать его причины и последствия на индивидуальном уровне, что очень важно, учитывая продолжающиеся процессы трансформации нашего общества.

Актуальность изучения жизненных стилей определяется, с одной стороны, его способностью отражать некую целостную специфику производимых социальных практик во всех сферах жизнедеятельности индивидов, а, с другой стороны, возможностью вскрывать внутреннюю интенциональность действия. Функциональность прикладных исследований жизненных стилей определяется не только их дескриптивными, но также интерпретационными и прогностическими свойствами, что может быть достигнуто только при качественной теоретической разработанности концепции.

Объект исследования: современная социологическая теория, разрабатывающая проблематику социального действия. **Предмет исследования:** концепции стиля жизни в том виде, в каком они циркулируют в современной социологической практике.

Степень разработанности проблемы.

Стиль жизни относится к числу наиболее популярных, но при этом, слабо разработанных категорий современной социологии. Несмотря на достаточно продолжительную историю существования, стиль жизни в социологических текстах остается скорее речевым оборотом, нежели категорией, подразумевающей вполне конкретный набор смыслов. Его статус маргинален, содержание метафорично, подвержено изменениям в зависимости от контекста и проблематизации исследования. Причина отсутствия теоретической завершенности концепта «стиль жизни», возможно, заключена в том, что категория всегда играла периферийные, второстепенные роли в «больших теориях».

Можно выделить два этапа в изучении стиля жизни, отличающиеся содержательно и институционально: классический и современный. Здесь необходимо сделать уточнение. Классика в настоящем контексте является условным наименованием, указывающим скорее на признанный в качестве таковой период становления социологического знания. Столь же условной является и категория современности, характеризующая не отклонение от общепринятой нормы, не модерн и не пост-модерн, но иное, более практическое бытование концепции в исследовательских и управлеченческих стратегиях.

Первый, классический этап развития категории «стиль жизни» связан с именами основоположников социологии – М. Вебером, Т. Вебленом и Г. Зиммелем. Можно выделить три контекста проблематизации жизненных стилей. Первый связан с изучением социальной стратификации общества Вебером⁷. В данном случае жизненные стили являются атрибутами статусных групп, социальных классов, характеризующими поведенческие особенности их членов: манеры, вкусы, питание, быт, сленг и т.п. Второй контекст – это содержание и формы потребительского поведения, где демонстративное потребление, описанное Вебленом, ассоциируется с определенным жизненным стилем, символизирующим социальные достижения, жизненный успех, позволяет индивиду воспроизводить свою принадлежность к избранному сословию, классу⁸. В третьем случае, тематика жизненных стилей актуализировалась в контексте изучения процессов идентификации в условиях прогрессирующей стилевой дифференциации культуры. Поиск личностью собственной идентичности путем достижения

⁷ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. №5. С. 146-156.

⁸ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984 г. – 368 с.

баланса между общественными и внутренними импульсами, по версии Зиммеля, и представляет собой стиль жизни⁹.

Второй, современный этап теоретического развития концепций стиля жизни связан с именами П. Бурдье, Г.-П. Мюллера, Ж. Бодрияром, З. Бауманом.

Долгое время стиль жизни оставался маргинальной темой, до тех пока к его изучению не приступил П. Бурдье¹⁰. Определение стиля жизни конструируется Бурдье через два других понятия – социальное пространство и габитус. Стиль жизни представляет собой целостное множество отличительных предпочтений, отражающих одну и ту же выразительную интенцию (вкус) во всех повседневных практиках агентов, занимающих одинаковую позицию (класс) в социальном пространстве.

Концепция стиля жизни Г.-П. Мюллера написана под влиянием идей Бурдье и напрямую связана с изучением социальной стратификации общества¹¹. В данном случае стиль жизни определяется как структурированные в пространстве и времени образцы жизнедеятельности, зависящие от материальных и культурных ресурсов, и проявляющиеся в способах устройства дома, потреблении и т.п.

Традиции изучения стиля жизни в контексте потребительского поведения и идентификационных процессов оказались одинаково востребованными в теории общества постмодерна, постулирующей мозаичность культуры и социальной структуры общества, т.е. мультикультурализм и дифференциацию по жизненным стилям.

Здесь стиль жизни отождествляется с актами конструирования и презентации собственной идентичности посредством манипулирования символическими значениями потребляемых вещей. Идейными вдохновителями данного подхода являются З. Бауман¹² и Ж. Бодрияр¹³.

⁹ Simmel G. Philosophie des Geldes. 8. Aufl. Berlin: Duncker & Humboldt, 1900.

¹⁰ Бурдье П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.; Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Том 3. № 5. С.60-66. См. www.ecsoc.mssses.ru; Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. Электронный журнал. 2005. Том. 6. № 3. С. 26-29. См. www.ecsoc.mssses.ru

¹¹ Mueller H.-P. Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs ueber sozial Ungleicheit. Frankfurt/Main.: Suhrkamp 1997. – 435 s.

¹² Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова; Ин-т «Открытое общество». – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 255 с.; Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноzemцева. – М.: Логос, 2002. – 325 с.

¹³ Бодрияр Ж. Система вещей. – М., 1995. – 176 с.

В российской социологической практике отсутствует развернутый анализ западных концепций стиля жизни; не развита и научная полемика по этой теме. Для доказательства достаточно сказать, что существует только одна монография, посвященная теоретическим и методологическим проблемам изучения категории «стиль жизни»¹⁴. Публикации по данной теме существуют в двух форматах: в виде статьи и в виде главы (параграфа) монографии или учебного пособия. Подобная ситуация не могла не сказаться на прикладных исследованиях жизненных стилей, которые пусть в небольшом объеме, но все-таки проводятся.

Не обладая собственными разработками стиля жизни, наши коллеги-социологи берут в качестве теоретической основы западные теории, иногда в их «первозданном» виде, иногда, дополняя их своими идеями. Из всех представленных выше теоретических разработок стиля жизни прикладной значимостью, зависящей в первую очередь от точности определения категории и ее операционализации, обладают только концепции П. Бурдье и Г.-П. Мюллера. Поэтому именно эти концепции чаще всего применяются в отечественных социологических исследованиях. Например, исследования, проведенные под руководством С.А. Ушакина¹⁵, Е. Л. Омельченко¹⁶, Я.М. Рошиной и С.В. Суркова¹⁷, С.Ю. Митрофановой¹⁸.

Методика исследования стилей жизни посредством изучения предпочтений в моде Л.И. Ятиной опирается на идеи постмодернистов о полистилизме культуры современного общества¹⁹.

В целом, отметим, что эмпирические исследования стиля жизни, как правило, связаны с изучением потребительского поведения, которое традиционно в отечественной социологии выводит на проблемы социального

¹⁴ Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы / Под ред. Л.В. Сохань, В.А. Тихонович. – Киев.: «Наукова думка», 1982. – 372 с.

¹⁵ Ушакин С.А. Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита // Социологический журнал, 1999. №3/4 С. 235-250.

¹⁶ См.: Омельченко Е. Л. Стилевые стратегии занятости и их особенности // Социс. 2002. №11. С. 22-31. Омельченко Е. Л. Такие похожие, такие разные // www.csc.ksu.ru/speckursy/eo_irud.doc;

¹⁷ См. Стиль жизни // Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е.М. Аврамова и др.; Под ред. Т.М. Малевой; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. С. 352-381.

¹⁸ Митрофанова С.Ю. Жизненные стили подростков как показатель их социального статуса. См. http://bulletin.region.ulsu.ru/publications/mitrofanova/life_styles/

¹⁹ Ятина Л. И. Мода глазами социолога: результаты эмпирического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, т. 1, №2. С. 120-131. Ятина Л.И. Полистилизм. Новый этап развития моды // Рубеж, 2001, № 16-17. <http://socnet.narod.ru/Rubez/16-17/Yatina.htm>

неравенства. При этом целенаправленные исследования стиля жизни очень малочисленны, имеют единичный характер. Поэтому, несмотря на довольно частое упоминание в текстах, стиль жизни в отечественной социологической практике остается, скорее, речевым оборотом, нежели научной категорией. Между тем, невнимание к теоретическим основаниям стиля жизни, во многом детерминирующего социальное поведение человека, придающего ему соответствующие формы, представляется неоправданным и малопродуктивным для развития социологического знания. В отечественной литературе сложилось проблемное поле, позволяющее исследовать тему «стиль жизни».

Методология исследования определяется акционистской парадигмой, развивающейся Р. Будоном²⁰ и Ф. Буррико²¹, а также Б. Верленом²².

Акционизм опирается на номиналистическую философскую традицию и содержит три основных принципа: Во-первых, принцип методологического индивидуализма (Й.А. Шумпетер, Ф.А. фон Хайек, К. Поппер и К. Менгер), предполагающий интерпретацию социальных явлений как результатов решения, действия, установок индивидов. При этом, анализ социального действия предполагает, с одной стороны, исследование субъективного смысла действия, его интенциональности, а с другой стороны, - изучение самого социального акта или практики, разворачивающихся в институциональной среде, задающей условия, но не причины этого действия, и, как следствие, отказ от детерминистической логики теории. Внимание к внутренней, интенциональной стороне действия, сопряженное с его внешними проявлениями, обусловливают направленность и алгоритм построения концепции стиля жизни.

Во-вторых, принцип рациональности. Необходимость постулировать рациональность актора в акционизме связана со стремлением понять его поведение, т.е. рационально воссоздать его. Полагается, что поведение людей всегда направлено на достижении субъективной, определенной только индивидом цели. Критерием, разграничающим рациональное и иррациональное действие, является обоснованность действия,

²⁰ Boudon R. L'inégalité des chances. Paris: Armand Colin, 1973; Boudon R. Effets pervers et ordre social. Paris: PUF, 1977.

²¹ Bourricaud F. Contre le sociologisme: Une critique des propositions // Revue française de sociologie. 1975. Vol. XVI. P. 583-603.

²² Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. 2002. Т.2. №4. С. 3-24. <http://www.sociologica.ru/Main.html>; Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. Т. 1. №2. 2001. С. 25-46. См. <http://www.sociologica.ru/Main.html>.

в противоположность утилитаристской мотивации рациональности в экономической теории. На исследовательском уровне принцип рациональности дает возможность избежать навязываемых самим ученым образцов и стандартов рационального поведения.

В-третьих, принцип «эффекта сложения», позволяющий производить процедуру агрегирования индивидуальных жизненных стилей на основе различных качественных показателей, а также строить типологии, выдвигать гипотезы. Так, в качестве исследовательской единицы могут выступать статистические агрегаты, отличающиеся от социальных групп, реальных или смоделированных социологами, тем, что они не предусматривают наличие целостности с собственными целями.

Принципы акционизма нуждаются в инструментальном оформлении, позволяющем перевести их из разряда теоретических спекуляций в исследовательский метод. Таковым инструментом для изучения стиля жизни выбран институциональный подход в его новой интерпретации, связанной с именами Н. Флигстина, Н. Бригарт. П. Димаджо. У. Паузлла, а также Л. Болтански и Л. Тевено, В.В. Радаева²³ и др. Неоинституционализм в его концептуальном развертывании предполагает ориентацию на действующего индивида, руководствующегося рациональными побуждениями.

Цель исследования. Выстроить непротиворечивый, верифицируемый концепт стиля жизни, выражющий в самом общем виде современные социальные практики.

²³ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. Электронный журнал. 2001. Том 2. №4. С. 28-55. См.: www.ecsoc.msses.ru; Бригарт Н. Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. Электронный журнал. 2001. Том 2. №5. С. 49-58. См.: www.ecsoc.msses.ru; Димаджио П. Культура и хозяйство // Экономическая социология. Электронный журнал. 2004. Том 5. № 3. С.45-65. См. www.ecsoc.msses.ru; Паузлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология. Электронный журнал. 2003. Том 4. № 3. С.61-105. См. www.ecsoc.msses.ru; Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие // Экономическая социология. Электронный журнал. 2001. Том 2. №1. С. 88-122. См.: www.ecsoc.msses.ru; Болтански Л. Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 3, 2000. №3 С. 66-83; Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5-26. См.: www.ecsoc.msses.ru

Задачи:

- Дать развернутый анализ историографии (генезиса) категорий стиль жизни в теоретической социологии, выделить основные направления изучения и интерпретации категории.
- Оценить прикладные возможности существующих концепции стиля жизни в эмпирических исследованиях.
- Обосновать актуальность применения методологических принципов парадигмы акционизма для изучения жизненных стилей в условиях трансформационного состояния российского общества.
- Представить социальный институт в виде четырехуровневой структуры, описывающей внешнюю, деятельность сторону стиля жизни. Раскрыть содержание и функциональное предназначение основных ее элементов.
- Сконструировать внутренний, ментальный уровень стиля жизни. Определить его компоненты, их функции и системную взаимосвязь.
- Сформулировать определение стиля жизни, соответствующее разработанной концепции.

Научная новизна исследования.

- Произведена классификация концепций стиля жизни в соответствии с их теоретическими основаниями.
- Реализована операция по деконструкции постмодернистских текстов, позволивших выявить их действительное теоретическое основание.
- Произведена адаптация акционистской парадигмы для изучения стиля жизни.
- Построена концепция стиля жизни в пространстве акционизма.
- Разработаны эвристические функции концепции стиля жизни.

Тезисы, выносимые на защиту

1. Концепция стиля жизни является неотъемлемой чертой социальных теорий, интерпретирующих процессы социальной стратификации и социального действия.

2. Акционистская парадигма предполагает, что стиль жизни находится в пределах компетентности индивида, его реализующего. Стиль жизни не является функцией социальных группировок.
3. Стиль жизни в рамках акционистской парадигмы обладает дуализмом существования: он выступает и в виде устойчивого основания, выстраивающего социальное действие, и в виде развивающейся, пластичной, флюктуирующей структуры. Стиль жизни не является раз и навсегда заданным элементом социального действия, жестко детерминированным прежним социальным опытом – габитусом.

Практическая значимость работы

В процессе исследования были получены результаты, имеющие возможность практического применения в образовательном процессе – в курсах общей социологии, истории социологии на социологических факультетах и отделениях. Выводы исследования могут быть использованы при построении курсов экономической социологии, социологии потребления, социологии города. Изложенные в диссертации положения могут быть востребованными для конструирования техник и методов эмпирических социологических исследований трудового, семейного, потребительского поведения, маркетинговых стратегий и при разработке социальных технологий, а также для изучения проблем социальной стратификации трансформирующегося российского общества.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертационного исследования были представлены в ходе выступлений на международном культурологическом конгрессе, трех международных конференциях и семи конференциях всероссийского уровня в 2004-2006 гг., а также на научно-методологических семинарах кафедры культурологии ПГТУ.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, дается характеристика теоретической и методологической основ работы, ее научная новизна и практическая значимость.

Первая глава – «Генезис и развитие концепций стиля жизни в социологической традиции» – посвящена изучению существующих теоретических разработок стиля жизни и их практического применения в эмпирических исследованиях с позиций парадигмы акционизма. В результате процедур отбора, сравнения и систематизации удалось выделить три основных подхода к интерпретации стиля жизни в соответствии с теоретическими основаниями на двух основных этапах развития социологической традиции – классическом и современном.

В первом параграфе – «Формирование концепции стиля жизни в классической социологии» – анализируются теоретические разработки категории «стиль жизни», содержащиеся в трудах классиков социологии: М. Вебера, Т. Веблена, Г. Зиммеля. Стиль жизни для них был скорее темой, не нуждающейся в точной номинации, одним из сюжетов, сцепленных с иными, более значимыми для автора проблемами, нежели самостоятельной концепцией, нуждающейся в основательной интерпретации.

М. Вебер использует термин «стиль жизни» при разработке теории стратификации общества, основанной на трех показателях: собственности, власти и престиже. Стиль жизни отражает, по его мнению, особенности субкультуры статусных групп, проявляющиеся в наборе черт, принципов, навыках поведения, на основании которых воздаются почести на уровне общества в целом, а также происходит дистанцирование статусных групп. Стиль жизни, реализующийся в социальных практиках, выступает, таким образом, в роли инструмента, приписывающего индивиду социальный статус, обозначающий его причастность к группе. Заложенная Вебером традиция изучения стиля жизни в контексте социальной стратификации по сей день остается наиболее влиятельной.

Предметом изучения Т. Веблена стали демонстративные практики потребления, именно в этом контексте он обратился к стилю жизни. Как и теория статусной стратификации общества Вебера, теория демонстративного потребления описывает механизм борьбы за социальные позиции, открывающие доступ к различного рода ресурсам и почестям. Демонстративное потребление, ассоциируемое с определенным жизненным

стилем, символизирующим социальные достижения, жизненный успех, позволяет индивиду воспроизводить свою принадлежность к избранному сословию, классу. Веблен, таким образом, стал основоположником традиции изучения стиля жизни в контексте потребительского поведения.

Благодаря Г. Зиммелю, сформировалось третье направление интерпретации жизненных стилей. В данном случае проблематика жизненных стилей актуализировалась в контексте изучения идентификационных процессов в условиях прогрессирующей стилевой дифференциации культуры. Поиск личностью собственной идентичности путем достижения баланса между общественными и внутренними импульсами и представляет собой, по версии Зиммеля, стиль жизни.

Каждая из изложенных традиций изучения стиля жизни нашла свое применение в современной социологии. Стоит отметить, что они часто пересекаются, дополняя друг друга, поэтому говорить о последователях идей того или иного классика социологии, можно с определенной долей условности.

Второй параграф – «Стиль жизни в неомарксистской социологии» – посвящен анализу интерпретаций категории «стиль жизни», развивающихся в неомарксистской социологии: в работах П. Бурдье и Г.-П. Мюллера.

Теория П. Бурдье продолжает традицию изучения стиля жизни в контексте проблематики социального неравенства общества, важнейшим критерием стратификации которого является экономический капитал, обуславливающий условия существования. Генетический структурализм усложнил объяснительную схему социального поведения, ввел в интерпретационную схему социального действия дополнительное звено, предположив, что между ценностью и поведением скрывается система предпочтений, представленная в виде установок, или диспозиций, зависящих от условий существования. Именно она позволяет индивиду совершать выбор между подобными социальными актами, находить в гомологических рядах услуг, товаров, политических программ, информационных посланий и пр. свой собственный источник притяжения, тем самым, формируя свой собственный стиль. Стиль жизни отражает единую интенцию различных социальных практик, интериоризированных габитусом агентов, относящихся к одному и тому же социальному классу. Дистанцирование посредством различия жизненных стилей является обязательным условием позиционирования и закрепления социального класса в социальном пространстве.

Концепция стиля жизни Мюллера также выстроена в рамках социально-структурного анализа. Несмотря на то, что в целом он критикует существующие теории социального неравенства за излишний «структурализм» и «экономизм», он предлагает не отказываться от них, а модифицировать, дополнить анализом жизненных стилей. Полагается, что категория жизненного стиля способна вскрыть механизмы принятия решения индивидами, исходя из их социально-структурной позиции и менталитета. Под жизненными стилями понимаются структурированные в пространстве и времени образцы ведения жизни, зависящие от экономического и культурного субстратов. Таким образом, применяется принцип «конститутивного дуализма», обязывающий учитывать два противопоставляемых компонента, образующих континуум жизненных стилей. Однако автономность субстратов в данной теории не подтверждается.

Обе трактовки категории стиль жизни, предложенные Бурдье и Мюллером, характеризуют жизненные практики индивидов, относящихся к одному социальному классу или слою. На наш же взгляд, социальные трансформации современного общества постоянно проблематизируют социальные позиции, побуждают участников общественного процесса заново определять свое социальное лицо, корректировать свой стиль жизни. Поэтому представляется затруднительным концептуально «привязывать» определение стиля жизни к социальной позиции, безразлично в ее целостном виде, или в ее отдельных характеристиках.

В третьем параграфе – «Дискурс стиля жизни в социологическом постмодернизме» – подвергаются анализу взгляды теоретиков общества постмодерна З. Баумана, У. Бека, Ж. Бодрийяра и др. на проблематику стилей жизни в условиях полистилизма культуры. В наиболее общем виде стиль жизни определяется как идентичность, достигаемая посредством потребления вещей-знаков.

Бауман, Бек и др. развивают идею индивидуализации общества, в соответствии с которой процесс идентификации приобретает новые черты. Если ранее, в эпоху модерна, идентичность была достаточно стабильным образованием и имела групповые формы, как правило, связанные с профессиональной занятостью, определяющую и классовую принадлежность, что давало акторам преимущества в виде социальной и экономической защищенности, то в обществе эпохи постмодерна ситуация коренным образом изменяется. «Общество риска» перекладывает всю ответственность за собственную судьбу на плечи людей и не дает никаких

гарантий. Индивидуализация в этом плане направлена на ликвидацию жизненных основ мышления в традиционных категориях крупных общественных групп – социальных классов, сословий или слоев. В итоге идентификация превращается в перманентный процесс. И поскольку жестких, статичных социальных структур не существует, как не существует и определенности в нормах, правилах и символике культуры, то стиль жизни, вслед за идентичностью превращается в динамичную, пластичную, склонную к трансформациям структуру.

Акцентируя внимание на современном состоянии общества, постмодернисты ставят под вопрос целесообразность использования структуралистских парадигм в индивидуализированном обществе, выводят на первый план научного анализа деятельного индивида, тем самым, актуализируя акционистскую парадигму, в рамках которой стиль жизни может приобрести новые смыслы, интерпретацию, логику изучения, функции.

В четвертом параграфе – «Применение концепций стиля жизни в эмпирических исследованиях» – выявляется, какими способами реализуется эмпирическая интерпретация категории «стиль жизни». На основании процедуры реконструкции исходной теории по эмпирическим показателям и опубликованным конечным результатам было обнаружено доминирование позитивистских и структуралистских концепций. В них тема стиля жизни в большинстве случаев остается маргинальной, второстепенной и функциональной. Стиль жизни интерпретируется как один из показателей социального поведения отдельных групп.

Вторая глава диссертации – «Акционистская концепция стиля жизни: попытка конструирования» – представляет авторскую концепцию стиля жизни, выстроенную по правилам акционистской парадигмы. Исходное положение можно сформулировать следующим образом: повседневные практики индивидов обладают единой интенцией, характеризующей их стиль жизни. Последний, в свою очередь, выполняет регулирующую функцию по отношению к разнообразным социальным практикам. Отсюда и предназначение разрабатываемой концепции: создание теоретического конструкта стиля жизни, позволяющего на эмпирическом (прикладном) уровне интерпретировать социальные практики индивидов.

В первом параграфе – «Методологические основания акционистской концепции стиля жизни» – формулируются три основополагающих принципа акционистской парадигмы: методологический индивидуализм, принцип рациональности и эффект сложения (эмурджентный эффект). Анализируются

теоретические истоки обозначенных принципов и их проявление в иных парадигмах и теориях, в частности, в структурном функционализме, феноменологии, символическом интеракционизме, теории рационального действия и др.

Стиль жизни в акционистской интерпретации не может рассматриваться в виде функции социальных группировок, он является автономным образованием, в первую очередь, зависящим от воли индивида и только во вторую очередь от навязываемых обществом стереотипов поведения. Отчасти, именно это и обеспечивает поливариативность стилей жизни в современном обществе. Подобный статус стиля жизни определяет и методику изучения. Очевидна необходимость отказа от логики эмпирических исследований, отталкивающихся от социальных, экономических, культурных и иных показателей группировок респондентов с последующей диагностикой общих проявлений в жизнедеятельности, отождествляемых со стилем жизни. В данном случае, логика должна быть обратной. Общность установок, воплощенных в социальном действии, есть основание для построения типологий, группировок, классификаций и т. п. Иными словами, на первый план выводится процедура агрегирования на основании подобия жизненных стилей. Это представляется эффективным, поскольку позволяет ответить на вопрос: почему люди с одинаковыми статусными показателями в однотипных ситуациях ведут себя различным образом.

Во втором параграфе – «Содержание и эвристические функции акционистской концепции стиля жизни» – раскрывается концепт стиля жизни, опирающийся на теорию социального действия.

Стиль жизни представляет собой теоретический конструкт, состоящий из ряда компонентов, относящихся к двум аналитическим уровням. Первый уровень условно обозначается, как «внешний», раскрывающий непосредственную социальную активность. Второй – как «внутренний», т.е. ментальный, определяющий социально ориентированную личностную интенцию. Принцип методологического индивидуализма обуславливает приоритет в формировании жизненного стиля внутреннего уровня – ментальной составляющей стиля жизни. Однако это не означает, что внутренние структуры обладают неограниченной свободой, не поддаются воздействию социума. Социальное действие всегда контекстуально, следовательно, должно быть вписано в структуру социальных отношений, представленную в виде локальных порядков, т.е. институтов. Отсюда, для

описания внешних проявлений жизненных стилей необходимо обращение к институциональному анализу, в данном случае – к неоинституциональному.

Представив социальный мир как сеть институтов, организующих социальную деятельность, необходимо взглянуть на социальное взаимодействие не с позиции организованных структур, а с позиции индивида как единицы или субъекта этого взаимодействия. Мы полагаем, что подобный подход позволяет выявить внешнюю, поведенческую сторону жизненных стилей.

Индивид является центральной фигурой акционистской парадигмы, поэтому конструирование института должно быть строго ориентировано на него. Это, в свою очередь, означает, что именно категории, описывающие действия индивида, его «вхождение», приобщение к институту, превращение в актора, а не нормы и правила являются определяющими элементами института. Поэтому наша задача заключалась в конструировании такой модели института, в которой бы актор как исполнитель институциональной роли, получил бы право на собственные индивидуальные вариации. Для этого институт был представлен в виде четырехуровневой структуры.

Первый – наиболее общий уровень институциональной структуры – описывает *ситуацию* в которой происходит взаимодействие акторов. Учитывается «тема» или «проблема» взаимодействия, а также акторы, вступающие в функциональные системные связи, т.е. определяется система ролей.

На втором уровне институциональной структуры концентрируются нормы и правила ролевого поведения. Из них складываются различные институциональные предписания, формирующие модель ролевого поведения. Предназначение модели заключено в фиксировании того, что и в какой последовательности должен делать актор. Следует отметить, что акционизм отрицает тотальное воздействие различных социальных структур на социальное действие, при этом, не отрицается их существование и их важность. Получается, что нормы и правила в обязательном порядке должны рассматриваться и изучаться, однако, их влияние оказывается второстепенным, опосредованным ментальными подструктурами актора. Это означает, что действия индивида внутри института могут подчиняться правилам, укладываться в нормативные рамки, однако, понимание институциональных предписаний и их воспроизведение в практиках индивидуально окрашено.

Процесс формирования индивидуального подхода к исполнению роли описывает третий уровень институциональной структуры – уровень

шаблонов, – раскрывающий содержание механизма включения индивида в новый для него институт, сопровождающийся процессом идентификации с соответствующей социальной позицией.

Шаблоны являются структурными элементами индивидуального сознания. Содержательно они представляют собой стилизованный образ действия, по-иному, паттерн исполнения конкретной роли. Стилизация шаблона означает, что образ действия содержит определенную идею или четко выраженную линию поведения. Паттерны интериоризируются индивидами из социальной реальности²⁴, становятся частью их сознания. В процессе интериоризации шаблоны обогащаются новыми смыслами. Шаблон должен быть воспринят и переработан внутренне, поэтому именно на этапе их отбора происходит пересечение внутренней, ментальной и внешней сторон жизненного стиля.

Шаблоны исполнения роли для актора играют ориентирующую функцию, помогают в адаптации к новым ситуациям и ролям. Поиск оптимального варианта остается в компетенции акторов. Следует отметить, что широта «ассортиментного ряда» шаблонов определяется не столько спецификой социального института, сколько личным и групповым (жизненным) опытом участников ситуации.

В работе выделяются три источника интериоризации шаблонов: в первом случае, шаблоны формируются в ходе непосредственной социальной активности, поэтому называются «прожитыми», во втором случае, речь идет о шаблонах, полученных по различным каналам коммуникации в виде информации, третьим источником является виртуальная реальность, также предоставляющая паттерны исполнения роли.

Существенное отличие шаблонов от референтных групп заключается в том, что шаблоны ситуативны, т.е. привязаны к конкретной социальной практике; фрагментарны, что можно объяснить существованием множества альтернативных вариантов и источников; пластичны, а значит, подвержены корректировке. Социальные паттерны не обладают по отношению к индивиду той степенью принуждения, которую имеют референтные группы. Концепция шаблонов противостоит теории референтных групп, позволяя избежать ограниченности гиперинституционализма. Индивид выступает конструктором социального института, адаптирующим его к новым реальностям, обновляющим его содержание и формы, а также

²⁴ Социальная реальность определяется нами в духе феноменологической социологии, как сумма объектов и явлений социокультурного мира, каким она предстает обыденному сознанию человека.

добавляющим в него личные культурные смыслы. Рассматриваемый уровень институциональной структуры является своего рода воротами, через которые в социальный институт проникают новые «материалы» для процесса институционализации. На наш взгляд, концепция шаблонов (социальных паттернов) оставляет за индивидом право на построение своей идентичности – то право, которое он реализует в повседневной практике.

«Подготовленные» шаблоны, соотнесенные с ролевой моделью, воплощаются в практиках в форме институционального стиля – внешним проявлением жизненного стиля и четвертым уровнем институциональной структуры.

Таким образом, процесс формирования институционального стиля осуществляется путем компиляции шаблонов. На данном этапе важно определить то, как происходит отбор шаблонов. Почему одни шаблоны воспринимаются индивидом, в то время как другие – нет? Ответ на этот вопрос заключен на внутреннем, ментальном уровне стиля жизни, имеющем сложную структуру, включающую несколько компонентов.

Первый компонент ментального уровня стиля жизни – *когнитивный* – отвечает за осознание индивидом институциональной ситуации и соответствующих институциональных предписаний. При помощи данного компонента происходит ориентация индивида в социальном мире, понимание своих и оппонирующих ролей.

Следующий компонент – *перцептивный* – связан с восприятием шаблонов, предлагаемых социальной реальностью. Сознание индивида постоянно сталкивается со множеством разнообразных вариаций шаблонов, и прежде чем они будут преображенены в институциональный стиль, паттерны должны быть восприняты, распознаны, т.е. определены как таковые. Это, в свою очередь, означает, что индивид самостоятельно идентифицирует их, производит соотнесение паттернов с заданными ситуациями и ролевыми моделями поведения.

Третий компонент ментальной структуры – *селективный*. Он отвечает за отбор и принятие шаблонов. В качестве критерия отбора шаблонов выступают установки – социальные аттитюды, выражющие направленность на тот или иной вектор поведения. Установка фиксирует ориентацию не на ценность, а на определенную индивидуально осознаваемую и социально значимую потребность. Аттитюд, являясь элементом сознания, мотивируется потребностями социального существования индивида, т.е. определяется заинтересованностью индивида в неком искомом благе: материальном, эмоциональном или же социальном, разница в данном случае

не имеет значения. Мы полагаем, что индивид самостоятельно проводит ранжирование потребностей в зависимости от сферы жизненной активности. Что в свою очередь означает допущение несовпадений актуализированных потребностей в разных институциональных ситуациях и, как следствие, качественную неоднородность, разноплановость выбираемых шаблонов. Отчасти именно этим фактом может объясняться несовпадение и противоречие интенций институциональных стилей, демонстрируемых индивидом в различных институтах.

Селективный компонент внутреннего уровня стиля жизни может быть представлен в виде матрицы или сетки, состоящих из набора установок на те или иные вектора поведения, направленные на реализацию актуализированных потребностей. Благодаря имеющимся установкам производится отбор шаблонов исполнения институциональных ролей, предлагаемых социальной реальностью. Перцептивный компонент внутренней структуры стиля жизни настраивается и работает в неразрывной связке с селективным компонентом. Подобная зависимость шаблонов от установок приводит к возможности индивидов давать оценки действиям других: нравится, или не нравится, более того, понимать, что именно не нравится.

Следующий, четвертый компонент ментального уровня стиля жизни – *креативный*. Данный компонент отвечает за компиляцию интериоризированных шаблонов, приздание ролевой модели поведения интенции, т.е. оформление институционального стиля. Так, социальное действие приобретает интенциональный характер.

Пятый компонент ментального уровня стиля жизни – *габитуальный*. Большинство теоретиков стиля жизни сходятся во мнении, и мы с ними солидарны, что основная характеристика жизненного стиля – это его целостность, т.е. он определяется с большей или меньшей полнотой все жизненные проявления индивида. Целостность дает категории исследовательские преимущества, поскольку позволяет «схватить» жизненный стиль не только из целой жизни, но и из мелких ее деталей. Поэтому возникает необходимость определения механизма, обеспечивающего интенциональное единство социальных практик индивида. Таким механизмом является габитуализация, т.е. наделение повседневных практик свойствами стереотипизированных и стабилизированных привычек.

Подчеркнем, габитус наполняют не просто практики, но институциональный стиль, который, в свою очередь, является продуктом не только социальных условий существования, как в социологии Бурдье,

а, прежде всего, четырех компонентов внутреннего уровня стиля жизни. Также габитуализации подвергается и ролевая модель поведения. Пятый компонент внутреннего уровня стиля жизни обеспечивает возможность интенции институциональных стилей тиражироваться из одной институциональной ситуации в другие, тем самым объединяя проявления жизнедеятельности в единый стиль жизни, целостный и интенциональный.

В итоге, **стиль жизни** – социологическая категория, интегрирующая в себе жизненные практики индивида, объединенные и управляемые единой интенцией, целеполаганием и освоенными паттернами. Стиль жизни может быть понят в диахроматической связи со сложившимися, устойчивыми, безликими образованиями, т.е. социальными институтами.

Представление деятельной стороны стиля жизни в виде институционального стиля позволяет исследовать жизненный стиль при помощи неоинституционального анализа, моделируя ролевое поведение акторов и ситуацию. При этом, его концептуальная зависимость не только от внешних, институциональных элементов, но и от шаблонов, которые в свою очередь в обработанном, компилированном виде обладают интенцией, дает возможность зафиксировать качественную, смысловую сторону социального действия. Выявление же доминирующих сфер социальной активности индивидов, и соответствующих им комбинаций установок внутренней стороны стиля жизни, позволяет экстраполировать соответствующий институциональный стиль в другие институты на основании механизмов их трансляции, тем самым, преодолевая социальную атомизацию индивидов.

Методологический принцип, называемый «эффектом сложения», позволяет производить процедуру агрегирования индивидов, на основании подобия их жизненных стилей, а значит, переходить на уровень изучения социальных явлений и процессов, т.е. стиль жизни как теоретический конструкт приобретает прикладные, исследовательские функции.

В **Заключении** сформулированы основные выводы по диссертационному исследованию.

Российское общество характеризуется неустойчивостью социальной стратификации, неоднозначностью образцов идентификации. В такой социальной ситуации социологи вынуждены использовать самые разные парадигмы для описания наличной социальной структуры, которая, тем не менее, остается неуловимой. Поведение людей не укладывается в социальные схемы «среднего класса», или профессиональных групп, или социокультурных страт. В этих условиях объективно возрастает значимость и эффективность методологии, учитывающей в полной мере индивидуальные

социальные действия. Источником ее является парадигма, описываемая в разных терминах: акционизм, акционализм, неоинституционализм, или фрагмент теории рационального действия и др.

Применение парадигмы акционизма позволило построить концепцию стиля жизни, которая, во-первых, отражает реальные поведенческие акты; во-вторых, фиксирует их своеобразие; в-третьих, учитывает институциональные ограничения социального действия; в-четвертых, описывает процессы формирования интенциональности социального действия; и главное, превращает индивида в деятеля, ответственного за свои поступки, а не в «робота-актора», бездумно следующего внешним предписаниям.

Стиль жизни – это инструментальная категория. Ее эвристическая ценность состоит в том, что она способствует изучению широкого круга проблем, не связанных напрямую с проблемами внешнего оформления жизненных практик. Она применима, в том числе, для исследования потребительского поведения, семейного поведения, стратегий трудового поведения, при разработке социальных технологий, а также для изучения социальной стратификации общества.

Такие свойства категории «стиль жизни» как целостность и интенциональность дают ряд исследовательских преимуществ, в том числе, позволяют экстраполировать результаты диагностики стиля жизни в отдельных сферах жизнедеятельности на иные.

Методы полевого социологического исследования жизненных стилей – количественные и качественные – требуют отдельной проработки. Однако уже сейчас представляется, что возможны оба варианта, в зависимости от проблематики исследования.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Потребительское поведение как функция стиля жизни // Ученые записки студентов и аспирантов гуманитарного факультета. ПГТУ. Вып. IX. Пермь, 2003. №9. С. 123-125.
2. Источники культурного шоку в жизненном мире горожан // Материалы XVI Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения». ПГТУ, Пермь, 2004. С. 61-63.
3. Институциональный стиль: в поисках определений // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы VII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга. Т. 2.ПГТУ. Пермь, 2004. С. 353-356.

4. Экономическое поведение как функция стиля жизни (методологический подход) // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Материалы VI Всероссийской научно-практ. конф. Т.2. ПГТУ. Пермь, 2004. С. 17-20.
5. Институционализация новой экономической социологии: к постановке проблемы // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Материалы VII Всероссийской научно-практ. конф. Т.1. ПГТУ. Пермь, 2005. С. 224-226.
6. Идентификация как детерминанта социального поведения // Материалы XVII Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения». ПГТУ. Пермь, 2005. С. 12-14.
7. Современные концепции стиля жизни: к постановке вопроса // Сборник научных трудов аспирантов. Пермский гос. техн. ун-т. – Пермь, 2005. С.24-27.
8. Виртуальная реальность как источник гендерной идентификации личности // Мужское и женское в культуре: Материалы международной конференции. СПб, 2005. С. 97-101.
9. Стиль жизни в социологической традиции // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Материалы VIII Всероссийской научно-практ. конф. Т.III. ПГТУ. Пермь, 2006. С. 21-24. .
10. Социокультурные механизмы формирования презентации в контексте концепции стиля жизни // Материалы XVIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов докторантов «Майские чтения». ПГТУ. Пермь, 2006. С. 3-7.

Лицензия ПД-11-0002 от 15.12.99

Подписано в печать 16.05.2006. Набор компьютерный. Бумага ВХИ.
Формат 60Х90/16. Усл. печ. л. 1,0. Заказ № 434/2006. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе в отделе Электронных издательских систем
ОЦНИТ Пермского государственного технического университета
614000, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к.113, т.(342) 219-80-33

